

Москву не ждут объятия ни на Востоке, ни на Западе

Китай и Европа заинтересованы в сохранении отсталости РФ

2004-05-31 / Дмитрий Ефимович Фурман - главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор.

Громадная мощь России в прошлом, совершенно несоизмеримая с удельным весом россиян в человечестве, была связана с действием двух важнейших факторов. Во-первых, это культурный и технологический рывок западного мира, к которому Россия смогла подключиться значительно раньше своих южных и восточных соседей. В результате целую историческую эпоху Россия могла проводить экспансию на юг и восток, не встречая серьезного сопротивления. Эта эпоха, когда европейские народы могли господствовать над громадными народами Востока и Юга, закончилась с распространением европейских достижений на неевропейский мир и никогда не вернется.

Во-вторых, это коммунизм, создававший для России преданных союзников и добровольных слуг по всему миру. Коммунизм тоже никогда не вернется. С распадом СССР, который был одновременно и последней империей европейского народа-завоевателя, и коммунистической империей, где Россия играла роль «ядра», Россия вступила в эпоху, когда ее относительный вес в мире не только сразу же резко уменьшился, но и в дальнейшем может только уменьшаться.

Между двух великанов

Дальнейшее относительное ослабление России будет продолжаться, даже если мы будем успешно развиваться, догоняя по уровню развития передовые страны. Ибо в основе его – не собственно наше ослабление, а неизбежное усиление других.

Распространение западной цивилизации означает относительное ослабление западных стран, утрату ими их преимуществ. Это относится не только к России. Сейчас нужно историческое воображение, чтобы представить себе ситуацию, когда крохотные Нидерланды могли господствовать в Индонезии, а горстка англичан – завоевывать Индию. Соседи с Востока и юга России, которых сто лет назад можно было просто не учитывать как факторы силы, становятся все более сильными современными нациями.

Прежде всего – это, конечно, стремительно развивающийся Китай, догоняющий нас по уровню развития значительно быстрее, чем мы догоняем европейские страны. Китай уже сейчас – страна, более сильная, чем мы, а в перспективе соотношение мощи Китая с нашей мощью должно стать не меньше, чем соотношение численности населения – приблизительно 10 к 1. На востоке вырастает гигант, противостоять

которому в одиночку в случае какого-то конфликта мы не можем. А такой конфликт, хотя и маловероятен, но не полностью исключен – Китаю еще предстоит пройти через ломку коммунистической системы, а такие кризисы часто сопровождаются вспышками агрессивности.

Такой же гигант вырастает на западе в виде неуклонно расширяющейся и неуклонно интегрирующейся Европы. Успешно развивающаяся Россия может теоретически стать сильнее любой европейской страны, но она принципиально не может стать равной по силе объединенной Европе. Если даже мы сможем когда-нибудь самостоятельно достигнуть средневропейского уровня развития, это будет значить только то, что Россия будет в несколько раз слабее Европейского союза, население которого уже сейчас в три раза больше нашего. Не говоря уже о военной силе НАТО.

Между тем, несомненно, что и НАТО и ЕС будут расширяться и дальше. Расширение Европы идет почти как естественный процесс, даже независимо от желания европейцев. Так, никто особенно не стремится принимать Турцию. Но Турция столько сделала для того, чтобы соответствовать европейским нормам, и вытерпела столько унижений в европейской прихожей, что отказать ей в приеме уже нельзя. И когда Молдова и Украина будут соответствовать европейским нормам, им тоже никто не решится отказать, нарушив сделанные ранее обещания.

Есть ли «свободные места» в западных структурах?

Граница объединяющейся Европы с каждым годом становится ближе к России, которая постепенно оказывается «зажатой» между двумя успешно развивающимися супергигантами.

Такое положение, даже если эти гиганты миролюбивы и дружелюбны – неудобное и опасное. Это – положение буфера между Западом и Китаем, которым было бы неудобно соприкоснуться между собой. И положение санитарной зоны между преуспевающей и спокойной Европой и непредсказуемым миром южных мусульманских стран. Но страна-буфер и санитарная зона – это страна, интересами которой всегда можно пожертвовать. Ее проблемы – не твои проблемы, ее конфликты – не твои конфликты.

Кроме того, как бы ни старались европейцы, даже искренне, снизить для нас негативные эффекты своего объединения, их просто не может не быть. Ведь они для того и объединяются, чтобы вместе достичь более успешного развития, уничтожив мешающие ему перегородки, но укрепляя общую стену, отгораживающую их от остального мира. И как объединение должно способствовать развитию, так неучастие в этом объединении становится фактором отставания. К роли буфера и санитарного кордона добавляется роль поставщика энергоресурсов.

Такая ситуация фактически уже возникла, и, чтобы она закрепилась, ничего вообще делать не надо. Все происходит само собой с неизбежностью природных процессов. Единственный путь избежать этой ситуации (вернее, даже не избежать, а выйти из нее) – это самим войти в западные структуры («войти» в Китай мы не можем), утратив значительную часть суверенитета,

но получив за это безопасность, резкое расширение перспектив развития и право голоса в решении общих проблем. Вместо того чтобы пытаться слабо сопротивляться наступающей на нас силе – самим стать частью этой силы. Какие же препятствия стоят на нашем пути на Запад? Они громадны и многообразны, но их можно в основном поделить на три группы.

Во-первых, у нас самих пока нет такого устремления. Хотя характерные для начала 1990-х гг. заклинания «Россия была, есть и будет великой державой» уже слышны не так часто, мы еще не осознали окончательно новой реальности и в значительной мере живем образами прошлого и России как «центра силы». Но где-то через 20 лет реальность станет настолько очевидной, что закрыть на нее глаза будет уже невозможно. Тогда и устремление возникнет.

Во-вторых, и на Западе пока нет ни малейшего стремления принять Россию. Роль России как буфера, санитарного кордона и поставщика энергоресурсов полностью всех устраивает. Кроме того, хотя по сравнению с ЕС или Китаем Россия – не такая уж большая страна, она достаточно большая, отсталая и с очень сложным геополитическим положением, чтобы кто-то на Западе мог захотеть взвалить на плечи непомерную работу по ее интеграции. Дай бог переварить уже принятые и почти принятые в ЕС и НАТО постсоциалистические страны.

Иногда стоит постучаться в закрытые двери

Западу даже выгодно поддерживать наши идеи об особом пути и особой роли и повторять, что Россия сама в ЕС не хочет и что ей это и не нужно. Но опять-таки, когда лет через 20 новые члены ЕС будут уже «переварены», ЕС станет еще сильнее и больше, Россия по численности населения станет даже несколько меньше, а степень готовности этого населения принять европейские формы жизни будет несколько больше, интеграция России станет задачей все равно непомерно трудной, но все же менее трудной, чем сейчас. Тогда вопрос «Что делать с Россией?» перейдет в плоскость реальных политических решений. И если Европа не может закрыть дверь перед Турцией, то она не сможет закрыть дверь и перед стучащейся в них Россией.

Третье – это самое главное. Для интеграции в Европу недостаточно ни просто нашего желания, ни даже желания европейцев. В Европу может войти только совместимый с европейской организацией общественный организм. Однако наш организм идеально соответствует роли государства-буфера, но никак не роли государства – члена ЕС. Страна, где правят безальтернативные президенты, передающие власть по наследству, где не только оппозиция не может прийти к власти, но ее уже и вообще нет, где фактически нет разделения властей и правосудие в значительной мере – «басманное», просто не может войти в принципиально иначе организованную систему. Это – самое основное препятствие.

Но российское общество развивается, и опять-таки лет через 20 рамки теперешнего политического режима станут ему тесны. При всех наших особенностях и при всех «задержках развития» общее движение к демократии будет идти и у нас, и кризис теперешней системы, стремление

выйти из нее и создать нормальную, не «управляемую» демократию неизбежны.

Очень вероятно, что в будущем наложатся во времени друг на друга три кризиса. Во-первых, это кризис нашего перехода к демократической политической системе. Во-вторых, это кризис, связанный с ломкой нашего внешнеполитического «самосознания», с принятием курса на интеграцию в Европу. Третий кризис – не наш. Это кризис западных структур, связанный с необходимостью для них принять решение кардинальной важности – остановиться ли перед Россией, приняв принципиальное решение: «Ни шагу вперед!», или все-таки оставаться открытым сообществом и взять курс на интеграцию и России.

Но если эти кризисы наложатся друг на друга, они могут не усложнить, а облегчить участь «больного». Желание войти в Европу может усилить стремление стать демократической страной, и, наоборот, стремлению к демократии может способствовать желание выйти из роли «буфера» и войти в Европу. Тем более если оба эти стремления совпадут со встречной готовностью Европы все-таки взвалить на свои плечи тяжелую работу по оказанию России помощи в переустройстве и подготовке к вступлению в западные структуры.

Россия как нормальная демократическая европейская страна, часть объединенной Европы сейчас выглядит прекрасной утопией. Но это – значительно меньшая утопия, чем утопией было где-то в 1970 году падение коммунистической системы и распад СССР.